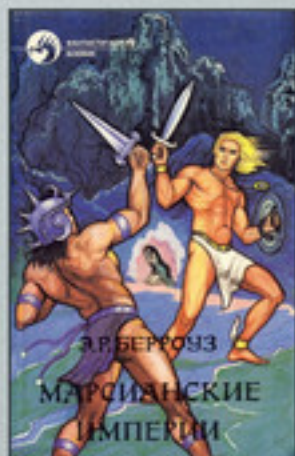

Эдгар Райс Берроуз

Лана из Гатола

*Часть сборника
Марсианские империи (сборник)*

Марсианин Джон Картер

Эдгар Берроуз
Лана из Гатола

«Автор»

1948

Берроуз Э. Р.

Лана из Гатола / Э. Р. Берроуз — «Автор», 1948 — (Марсианин Джон Картер)

«Ланикай – это небольшой поселок: пляж, почта, маленький магазинчик. Находится он на подветренном берегу острова Саху. Остров омывают прекрасные голубые волны, лениво плещущиеся среди коралловых рифов. Теплый ветерок томно вздыхает, и в его вздохах слышатся голоса давно ушедших королей и вождей, которые ловили рыбу в задумчивых лагунах задолго до того, как корабли из цивилизованных стран принесли в этот райский уголок неведомые болезни...»

© Берроуз Э. Р., 1948

© Автор, 1948

Содержание

Предисловие	5
Книга первая	7
I	7
II	9
III	11
IV	14
V	16
VI	18
VII	21
VIII	23
IX	26
X	29
XI	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эдгар Берроуз

Лана из Гатола

Предисловие

Ланикай – это небольшой поселок: пляж, почта, маленький магазинчик. Находится он на подветренном берегу острова Саху. Остров омывают прекрасные голубые волны, лениво плещущиеся среди коралловых рифов. Теплый ветерок томно вздыхает, и в его вздохах слышатся голоса давно ушедших королей и вождей, которые ловили рыбу в задумчивых лагунах задолго до того, как корабли из цивилизованных стран принесли в этот райский уголок неизвестные болезни.

Мысли о прошлом заполнили мой разум, когда я сидел теплой ночью на пороге своего дома, глядя, как волны одна за другой накатываются на песчаный берег. Я как будто видел перед собой королей Гавайев, могущественных вождей в шлемах из перьев. А вот и великий завоеватель Камехамада. Он, как башня, возвышается над остальными, а пришел он сюда из Нууану Пали. Он спокойно перешагивает через поля, хижину и рощи. Вот на ходу задел за церковный шпиль и поверг его на землю; вот ступил на мягкую болотную почву, и, когда поднял ногу, на том месте образовалось озеро.

Я очень заинтересовался появлением короля Камехамады, так как всегда восхищался им. Я не ожидал когда-либо увидеть его, поскольку умер он сотни лет тому назад, и кости его были погребены в тайном месте, которого не знает ни один человек. Однако я не очень удивился, увидев его. Меня, в основном, удивило то, что я не удивился. Я отчетливо помню свою реакцию и помню, что надеялся, что он заметит меня и случайно не раздавит.

Пока я думал, Камехамада остановился и посмотрел на меня.

– Ну и ну, – произнес он. – Спать в такую прекрасную ночь. Я удивлен!

Я крепко зажмурил глаза, затем открыл их снова. Передо мной стоял воин в странных доспехах, но это был не король Камехамада. В обманчивом свете Луны глаза подвели меня. Я снова моргнул, но воин не исчез. И тут я узнал его!

Вскочив на ноги, я протянул руку:

– Джон Картер!

– Вспомни, – сказал он, – где мы встречались в последний раз? Возле Малого Колорадо?

– Да, в Аризоне, – подтвердил я. – Это было так давно. Я не ожидал встретить тебя снова.

– А я не ожидал, что вернусь.

– Тогда почему же ты вернулся?

– Для меня было важно увидеть тебя, – улыбнулся он.

– Я понял это.

– Ты мой последний земной родственник, которого я знаю лично. Мне очень захотелось повидаться с тобой, но прошло столько времени, прежде чем мне удалось это. После того как ты умрешь, а этого осталось недолго ждать, у меня с Землей не останется связующих нитей.

– Но останутся мои дети, – напомнил я. – Они твои родственники.

– Да, я знаю. Но, может быть, они боятся меня. Меня могут принять за привидение.

– Только не мои дети, – заверил я. – Они знают тебя так же хорошо, как и я. Когда я умру, встречайся хоть изредка с ними.

Он кивнул:

– Может быть, – пообещал он не совсем уверенно.

– А сейчас, – сказал я, – расскажи мне о себе, о Марсе, Дее Торис, Карторисе, Тувии, Таре из Гелиума. Да, ведь Тара из Гелиума вышла замуж за Гохана из Гатола.

– Да, – ответил Картер. – Это был Гохан, джед из свободного города Гатола. У них появилась дочь, которая унаследовала характер и красоту своей матери и матери ее матери. Ее красота стала причиной кровавой вражды. Может, тебе понравится история о Лане из Гатола.

Разумеется, я ответил «да», и вот история, которую он рассказал мне ночью под кокосовыми пальмами.

Книга первая Давно умерший

I

Трудно сказать, почему иногда у человека возникает острое желание побыть одному. Я люблю общество. Я люблю быть с семьей, с друзьями, со своими воинами – и, возможно, потому что я так люблю общество, временами мне просто необходимо одиночество. В такие времена я могу спокойно обдумать дела государственной важности. Я – человек и в своей жизни делаю много ошибок. Оставшись один, я могу разобраться в них и решить, как избавиться от их последствий.

Когда я ощущал непреодолимую тягу к уединению, я брал одноместный флайер и улетал в долины давно высохших морей или в другие необитаемые места умирающей планеты. Там я действительно был в одиночестве. На Марсе много таких мест, где не ступала нога человека или о которых знают только зеленые гиганты – кочевники окраинных пустынь.

Иногда я целые недели проводил там в одиночестве.

Я побывал и на озере Корус, и в Золотой Долине, и в обледенелом Окаре... И все же многие районы Барсума я не посещал, хотя это и не удивительно: поверхность Марса на восемь миллионов квадратных миль больше поверхности Земли. На Барсуме нет больших водоемов. Самое большое море находится под землей. Я думаю, вы согласитесь, что шестьдесят пять миллионов квадратных миль – достаточно большая территория, чтобы исследовать ее досконально.

В тот раз, о котором я собираюсь рассказать вам, я полетел на северо-запад от Гелиума, расположенного в восьмидесяти градусах от экватора. Экватор я пересек в точке на тысячу шестьсот миль восточнее Экзума, барсумского Гринвича. К северу и западу от него простирались совершенно неисследованные области, и там я надеялся найти абсолютное одиночество.

Я установил компас на Хорц, большой опустевший город древней барсумской цивилизации, и полетел со скоростью семьдесят пять миль в час на высоте от пятисот до тысячи футов. На северо-западе от Торскаса я заметил зеленых людей и был вынужден подняться выше, поскольку они обстреляли мой флайер. На выстрелы я не отвечал, так как стычка не входила в мои планы. Затем я пролетел над плодородными землями, орошаемыми каналами, которые наполнялись драгоценной влагой при ежегодном таянии полярных льдов. После этого передо мной снова открылась пустыня, где я не видел никаких признаков жизни: она простиралась на пять тысяч миль между Гелиумом и Хорцем.

Меня всегда охватывала печаль, когда я смотрел вниз на этот умирающий мир. Там, внизу, когда-то перекачивались волны могучего океана, плавали огромные, гордые корабли – военные и торговые... Тогда молодой и воинственный Марс населяли десятки богатых и могущественных наций... Теперь же здесь простиралась дикая пустыня, погруженная в тоскливое молчание. И это молчание лишь изредка нарушалось радостным воплем убийцы и пронзительным вскриком его жертвы.

Ночами я спал, убедившись в правильности курса и скорректировав высоту полета до тысячи футов – не над уровнем моря, а над землей, таким образом обезопасив себя от столкновения с высокими горными хребтами.

На третий день полета я заметил вдали башни древнего Хорца. Древнейшая часть города была расположена на обширном плато. Более новая, но тоже насчитывавшая не одно тысячелетие, террасами спускалась к морю, как бы пытаясь догнать его.

Море, на берегах которого возвышался прекрасный город, постепенно пересыхало. Самые последние постройки древней умирающей расы теперь уже разрушились, но обветшалые башни по-прежнему горделиво высились на плато. Они хранили величие исчезнувшей расы белокожих светловолосых людей.

Меня всегда интересовали мертвые города древнего Марса. Об их жителях было мало что известно, рассказы о них сохранились только в легендах и преданиях, да еще настенные надписи, сильно пострадавшие от времени, непогоды и разрушительных нашествий зеленых орд, проливали свет на их прошлое.

Древние зодчие строили не на годы – они строили навечно. Тайны их мастерства были утрачены, потеряны секреты вечно живых красок, но великие произведения строительного искусства продолжали жить. Через тысячи лет после того, как умерли последние наследники великой расы, эти башни угрюмо стояли на поверхности мертвой остывающей планеты. Печальная это была картина.

Наконец мой флайер завис над Хорцем. Я много лет обещал себе прилететь сюда. Хорц был самым старым и самым большим из всех мертвых городов Марса. Вода сделала его великим. Замечают ли люди Земли воду, которую они имеют в таком невероятном изобилии? А если произойдет непредвиденное: враги прицельным бомбометанием уничтожат Кротонскую дамбу и Катскидскую водную систему снабжения? Тогда Нью-Йорк – величайший город мира – останется без воды. Все шоссе, ведущие из города, заполнятся беженцами, и этот гигантский город прекратит свое существование.

Когда мой флайер лениво парил над мертвым городом, я неожиданно заметил внизу движущиеся фигуры. Так значит, в Хорце живут люди? Любопытство заставило меня спуститься ниже, и то, что я разглядел, как-то сразу развеяло желание побыть в одиночестве: по улице с полдюжины свирепых зеленых воинов гнали краснокожего человека.

Я не искал приключений – они нашли меня, ведь ни один уважающий себя человек не бросит собрата в беде... Я нашел место, где мог приземлиться: на ближайшей городской площади. А затем, молясь, чтобы зеленые воины, занятые своим пленником, не заметили моего приближения, быстро и бесшумно пошел на посадку.

II

Я приземлил флайер на выбранной мною для посадки площади, скрывшись за огромной башней. Выглянув из-за каменной кладки этого строения, я увидел, что красный человек отбивается от зеленых воинов, вооруженных длинными мечами. Однако, несмотря на все его отчаянные усилия, жизнь его висела на волоске. Я от всей души надеялся, что он продержится до моего появления, когда ему на помощь придет самый искусный меч Барсума, обогранный кровью тысяч врагов.

Я решительно устремился ему на помощь, но внезапно передо мной встала стена высотой футов в двадцать. Сквозь узкие смотровые щели я окинул взглядом возникшее препятствие и понял, что здесь где-то должен быть проход, однако пока я искал бы его, этот человек был бы уже мертв.

Металлический звон мечей, тяжелое дыхание, угрожающие крики сражающихся доносились до меня. Я слышал, что зеленые воины требуют от своего противника сдаться в плен, и мог разобрать его презрительные ответы. Мне нравилась его смелость перед лицом неминуемой смерти.

Я прекрасно знал зеленых людей: они непременно постараются взять краснокожего в плен. Попытки доставляли им огромное удовольствие, гораздо большее, чем просто убийство. Мне нужно было действовать быстро и решительно.

Я огляделся. У меня оставался один способ помочь красному человеку. Нужно было запрыгнуть на вершину стены, сориентироваться по обстановке и, если возможно, спуститься вниз, чтобы вступить в схватку с зелеными воинами.

Прыгнуть на двадцать футов на Марсе для меня, землянина с огромной физической силой, – это пустяки. Но на этот раз я немного не рассчитал свои силы. После короткого разбега я взлетел в воздух. Однако вместо того, чтобы оказаться на стене, я перелетел через нее и попал в самую гущу смертельной схватки.

Красный человек находился в трудном положении. Было ясно, что зеленые воины уже отказались от мысли захватить его в плен и старались убить. Один из них уже готов был всадить в него меч, но благодаря счастливой случайности я приземлился прямо на спину этого воина. Мой меч вошел в противника возле левого плеча, пронзил его сердце и, еще до того, как он рухнул на мостовую, я уперся ногами в его плечи и выдернул лезвие из его тела.

На какое-то мгновение мое неожиданное появление повергло всех в смятение. Я одним прыжком занял место рядом с красным воином, повернувшись лицом к зеленокожим противникам. Алая кровь одного из врагов капала с моего плеча.

Красный воин бросил быстрый взгляд на меня, но зеленые уже устремились вперед, и времени для объяснения у меня не было. Мощный удар обрушился на меня, но я уклонился. В то же мгновение ударил и я, со всей силой и мощью. Мое оружие, острое, как бритва, рассекло противника пополам.

– Прекрасно! – воскликнул красный воин, снова бросив на меня взгляд.

Краем глаза я мельком посмотрел на своего собрата и оценил его искусство. Я был горд, что мне выпала честь сражаться рядом с таким великолепным и умелым воином. Теперь число наших противников уменьшилось до трех. Они отступили назад и опустили мечи. Им требовался отдых. Мне отдых был не нужен, и я готов был ринуться на них, но посмотрел на своего союзника и понял, что он совсем выдохся.

Поближе рассмотрев его, я ахнул: это был не красный человек, а белый, каких я никогда раньше не встречал. Кожа его была бронзовой от загара, как и моя, и это ввело меня в заблуждение. Но теперь я был уверен, что в этом человеке не было ничего общего с красными марсианами. Его одежда, оружие – все было непохоже на то, какое я до сих пор видел на Марсе.

Головной убор его состоял из кожаных лент, на которых можно было разобрать письмена, и они сверкали драгоценными камнями. На передней части ленты красовалась золотая пластинка в форме острия копья, направленного вверх. Из-под лент выбивались пряди светлых волос – самое удивительное, что можно было увидеть на Марсе. Сначала я решил, что он выходец из далеких полярных южных стран. Но затем я отверг эту мысль, когда увидел, что волосы – его собственные. Южане, их еще называли тарам, носили рыжие парики.

Сражался он великолепно и за словом в карман не лез, отвечая противникам на оскорбления. Мы, воины, позволяем иногда таким, не совсем приличным, словам срывать с наших губ. Кроме того, я обратил внимание, что он очень красив, даже прекрасен.

Но вот передышка кончилась, и три оставшихся врага снова бросились на нас. Сегодня я сражался, вероятно, как обычно, но мне казалось, что я превзошел себя. Это не потому, что я хочу преувеличить свое мастерство. Думаю, что не последнюю роль играл психологический фактор.

Мы одновременно покончили с двумя зелеными воинами, оставшийся в живых пустился бежать.

– Нельзя упустить его! – крикнул мой партнер и бросился вдогонку, преследуя врага.

Но кто может откликнуться на его зов в этом мертвом и пустынном городе? Почему он зовет на помощь, когда последний враг в панике бежал? Я был озадачен, но раз уж ввязался в это дело, то должен был довести его до конца, поэтому тоже бросился в погоню за зеленым воином, который торопливо перебежал площадь, на которой происходила схватка, и выскочил на широкую улицу. Я был ближе к нему, чем незнакомец, так как бежал гораздо быстрее. Вылетев на улицу вслед за беглецом, я увидел, что он подбежал к одному из тотов, ожидавших здесь. И тут из одного из зданий выбежала толпа желтоволосых и белокожих воинов, одетых так же, как мой странный союзник, и вооруженных луками и стрелами. Они немедленно открыли беспорядочную стрельбу по скачущему врагу, но вскоре стрелы уже не могли причинить тому вреда.

Дух приключений так силен во мне, что я часто подчиняюсь ему вопреки требованиям здравого смысла. Все это было не моим делом, я уже сделал все, что мог, и даже больше. Но тем не менее я вскочил на одного из тотов и бросился в погоню за зеленым воином.

III

На Марсе существует два типа тотов: небольшие, смирные животные, которых красные марсиане используют для хозяйственных работ, и огромные, свирепые, почти не управляемые животные, которых зеленые люди используют в своей кочевой жизни. Они достигают высоты в десять футов; у них четыре ноги с каждой стороны и плоский хвост, но не сужающийся, как у многих животных, а расширяющийся книзу. Тоты держат хвост вытянутым во время бега. Огромная пасть тотта как бы делит голову пополам до самой шеи. Тела у них окрашены на спине в темные цвета, но животы белые. Ноги в верхней части темные, а в нижней – желтые.

Тоты – самые злобные существа из всех, каких я знаю. Они постоянно дерутся между собой и всегда сопротивляются всадникам. Горе тому, кто потерял контроль над животными. Но, как это ни странно, зеленые люди ездят на них без всяких поводьев. К счастью, много лет назад я обучился этому искусству.

Зверь, на котором я скакал, был суший дьявол. Я ему очень не понравился, возможно, из-за запаха. Он попытался сбросить меня, а затем, когда ему это не удалось, стал запрокидывать назад голову, стараясь схватить меня.

Должен сказать, что существуют два способа подчинения тоттов. Когда-то я заслужил одобрение тем, что на глазах зеленых тарков подчинил тоттов терпением и лаской. Но в настоящий момент времени на это у меня не было, и я с силой ударил тотта мечом по голове. Разумеется, плашмя. И так я бил его до тех пор, пока не понял, что он готов смириться. После этого я отдал животному телепатический приказ, и он понесся вперед с огромной быстротой. Это был самый быстрый тотт, на котором я когда-либо ездил. Поэтому расстояние между мною и беглецом стремительно сокращалось.

На краю плато, где был построен старый город, беглец остановил своего тотта, развернулся и приготовился к бою. И тут мне довелось оценить необычный ум своего животного; без всяких указаний с моей стороны он моментально занял именно то положение, которое давало мне в поединке наибольшую выгоду. Затем он неожиданно бросился вперед и вцепился мощными челюстями в горло животного, принадлежавшего моему противнику, одновременно нанося удары ногами.

Я пронзил мечом своего врага и оставил его лежать там, где он упал. Развернувшись, я поехал обратно, чтобы получить одобрение и благодарность моих новых друзей.

Они ждали меня на площади. Их было человек сто, и все они были печальны. Когда я спешился, они окружили меня.

– Зеленый человек бежал? – спросил один из них, который, судя по украшениям, был их вождем.

– Нет, – ответил я, – он мертв.

Раздался вздох облегчения. Я не мог понять, чему они так рады, ведь убит всего лишь один зеленый воин.

Они сердечно благодарили меня, но все равно оставались грустными. Внезапно я понял, что они вовсе не друзья мне (это пришло ко мне интуитивно), но было поздно. Они так плотно окружили меня, что нельзя было поднять руки. Приказ предводителя – и я обезоружен.

– Что все это значит? – спросил я. – Я пришел на помощь вашему воину и спас его. За что мне такая благодарность? Отдайте мне оружие и отпустите.

– Мне очень жаль, – ответил вождь, – но иначе мы не можем поступить. Ная Дан Чи, которому ты пришел на помощь, умолял отпустить тебя, однако это против законов Хорца. Я должен доставить тебя к Хо Рая Киму, великому джедаку Хорца. Мы будем просить за тебя, но думаю, наша просьба не будет удовлетворена. Ты будешь убит. Безопасность Хорца важнее, чем жизнь одного человека.

– Я не угрожаю безопасности Хорца. Что мне до этого мертвого города, который не играет никакой роли в нынешнем мире и не угрожает империи Гелиума. Я служу джедаку империи Тардос Морсу.

– Прости меня, – сказал Ная Дан Чи, который протолкался ко мне сквозь кольцо воинов. – Я кричал тебе, чтобы ты не возвращался. Но ты, вероятно, не слышал меня. Если мне за это придется умереть, то я умру гордо. Я пытался уговорить Ла Соя Вена, командира утана, чтобы он отпустил тебя, но не смог. Я буду защищать тебя перед Хо Рая Кимом, но боюсь, что это бесполезно.

– Идем, – приказал Ла Соя Вен. – Мы и так потеряли много времени. Пленника нужно представить джедаку. Кстати, как твое имя?

– Я Джон Картер, принц Гелиума, Военачальник Барсума.

– Высокий титул, но я никогда не слышал о Гелиуме.

– Если со мной что-нибудь случится, ты услышишь о нем.

Меня повели по все еще величественным улицам мимо все еще прекрасных, несмотря на разрушения, зданий. Я никогда не видел такой изысканной архитектуры. Я не знаю, насколько древними были эти сооружения, однако я слышал, что раса светлокожих желтоволосых людей существовала здесь миллионы лет назад. Невероятно, что их творения до сих пор существуют. Но на Марсе многое кажется невероятным нам, людям Земли.

Наконец мы остановились перед входом в здание, похожее на крепость. Другого входа, кроме этих небольших ворот, не было. С галереи, находившейся в восьмидесяти футах над землей, нас окликнул часовой.

– Кто идет? – потребовал он ответа, хотя ясно видел, кто перед ним.

– Ла Соя Вен, командир первого утана гвардии джедака. Со мной пленник.

Часовой ответил в замешательстве:

– Мне приказано чужих сюда не пускать, а убивать на месте.

– Вызови начальника охраны, – рявкнул Ла Соя Вен, и тут же появился офицер.

– В чем дело? – хмуро спросил он. – Ни один пленник не может войти в Хорц. Вы знаете законы.

– Но это особый случай, – заявил Ла Соя Вен. – Я должен представить его джедаку. Открой ворота.

– Только по приказу самого Хо Рая Кима...

– Тогда сходи к нему, – ответил Ла Соя Вен. – Скажи, что я очень прошу принять пленника. Это не обычный пленник.

Офицер исчез и минут через пятнадцать вернулся. Маленькие ворота распахнулись перед нами, и мы вошли, сопровождаемые офицером охраны.

– Джедак примет вас, – произнес он.

Внутри древнего Хорца расположился огромный город. Он выглядел совершенно неприступным, разве что атака с воздуха могла достичь цели. Вокруг тянулись прекрасные улицы с прекрасными домами, садами, магазинами. Меня вели к дворцу, и по пути я постоянно наталкивался на любопытные взгляды прохожих. А вот и великолепный дворец Хо Рая Кима. По обеим сторонам входа стояли часовые. Но их присутствие скорее формально, чем необходимо. Кто может угрожать здесь джедаку?

В приемной мы прождали несколько минут, а затем нас повели по длинному коридору в комнату, где за столом сидел человек. Это и был Хо Рая Ким, джедак Хорца.

Я чувствовал, что его глаза оценивающе оглядывают меня, пока я шагал к столу. Глаза его были ласковыми, но что-то в их выражении заставляло насторожиться. Затем он перевел взгляд на Ла Соя Вена и заговорил с ним.

– Это крайне необычно, – произнес он спокойным голосом. – Ты знаешь, что хорциане умирают за меньшее нарушение?

- Знаю, мой джеддак, – ответил командир. – Но дело непростое.
 - Объясни, – потребовал джеддак.
 - Позволь мне объяснить, – прервал его Ная Дан Чи. – На мне лежит ответственность за все. Я настоял на том, чтобы Ла Соя Вен привел его.
- Джеддак кивнул.
- Говори ты.

IV

Я не мог понять, почему они устраивают такой шум из-за пленника и почему хорцианцы умирают из-за меньшего нарушения. В Гелиуме пленный воин получил бы поддержку, как и пленивший его боец. А если воин приведет самого Джона Картера, Великого воина Марса, он может получить высокий титул.

– Мой джеддак, – начал Ная Дан Чи, – когда я сражался с шестью зелеными воинами, этот человек, который назвался Джоном Картером, пришел ко мне на помощь. Откуда он появился, я не знаю. Единственное, что я знаю, это то, что когда я вел безнадежный бой с шестью врагами, рядом со мной появился лучший фехтовальщик, которого я когда-либо встречал. Только благодаря ему я остался жив и последний из шести зеленых убийц лежит на дне мертвого моря. Он скрылся бы, если бы Джон Картер не вскочил на тот и не догнал его. Этот человек мог бы уехать, но он вернулся. Он дрался за воина Хорца, он доверился людям Хорца. Неужели мы обречем его на смерть?

Ная Дан Чи замолчал, и Хо Рая Ким посмотрел на меня своими голубыми глазами.

– Джон Картер, своими действиями ты заслужил уважение и симпатию всех жителей Хорца. Ты заслужил благодарность джеддака, – он помолчал, – но если я расскажу тебе нашу историю, ты поймешь, почему я должен приговорить тебя к смерти.

Он снова сделал паузу, погрузившись в размышления.

Я тоже задумался, но по другим причинам. Та легкость, с которой Хо Рая Ким вынес мне смертный приговор, поразила меня. Он был так дружелюбен, что казалось невозможным предположить в нем жестокость. В то же время стальной блеск в его глазах настораживал меня.

– Я уверен, – сказал я, – что история Хорца весьма интересна, но сейчас меня больше интересует другое. Меня интересует, почему я должен умереть за то, что помог воину Хорца?

– Это я объясню, – ответил джеддак. – Жители Хорца – это единственные потомки расы, которая когда-то доминировала на Барсуме. Раса ореваров. Миллионы лет назад наши корабли бороздили все пять великих океанов. Хорц был не просто столицей великой империи – это был центр культуры, образования, это была столица самой величественной расы, когда-либо населявшей этот мир. Наша империя простиралась от полюса до полюса. На Барсуме жили представители и других рас, но они находились на более низком уровне, и мы считали их низшими существами. Впрочем, так оно и было. Оревары владели Барсумом, который был разделен между несколькими джеддаками. Тогда жили счастливые, довольные и преуспевающие люди. Они редко враждовали друг с другом. Хорц тысячелетиями наслаждался мирной жизнью.

Барсум достиг высшей точки совершенства, когда впервые на него упала тень катастрофы. Моря стали пересыхать, атмосфера стала более сухой и разреженной. Случилось то, что давно предсказывала наука, – мир начал умирать.

Долго наши города пытались «следовать» за пересыхающими морями. Реки, каналы, водохранилища – все постепенно исчезло. Процветающие ранее морские порты превратились в захудалые провинциальные городишки. Пришел голод. Изголодавшиеся люди нападали на тех, у кого еще оставалась еда. Орды зеленых кочевников разорили все сельскохозяйственные фермы.

Воздух стал настолько сухим, что трудно было дышать. Выживали наиболее сильные и выносливые, наиболее приспособленные – зеленые, красные... Жизнь превратилась в непрерывную жестокую борьбу за выживание.

Зеленые люди охотились за нами, как за дикими зверями. Они не давали нам передышки и не знали пощады. Нас осталось мало. Хорц оставался нашей последней надеждой, нашим

единственным убежищем. Чтобы выжить, нам нужно скрывать от всего мира, что мы все еще существуем. Многие сотни лет мы убивали каждого, кто видел оревара.

Теперь ты понимаешь, что хотя мы очень сожалеем, тебе придется умереть.

– Я могу понять, произнес я, – что вам необходимо убивать врагов, но я не вижу причин, зачем вам уничтожать друзей. Однако вам решать...

– Все уже решено, мой друг. Ты должен умереть.

– Подожди, джеддак, – воскликнул Ная Дан Чи. – Прежде чем ты произнесешь свой приговор, рассмотри такое предложение: если он останется в Хорце навсегда, то не сможет никому рассказать о жизни в городе. Разреши ему жить, но в стенах нашей цитадели!

Все присутствующие одобрительно закивали, и я увидел, что быстрые глаза джеддака заметили это. Он откашлялся:

– Над этим предложением стоит подумать. Я отложу свое решение до завтра. Соглашаюсь на отсрочку только из любви к тебе, Ная Дан Чи. Ты несешь ответственность за то, что этот человек появился здесь, и разделишь с ним его судьбу, какова бы она ни была.

Ная Дан Чи был, несомненно, удивлен, но перенес удар мужественно.

– Я буду считать за честь разделить свою судьбу с судьбой Джона Картера, Военачальника Барсума.

– Неплохо сказано, Ная Дан Чи! – воскликнул джеддак. – Мое восхищение тобой увеличивается тем больше, чем больше я сожалею о том, что почти наверняка завтра ты умрешь.

Ная Дан Чи поклонился:

– Благодарю, ваше величество, за участие. Память об этом скрасит мои последние часы.

Джеддак посмотрел на Ла Соя Вена и задержал на его лице свой взгляд в течение целой минуты. Я мог бы поставить десять против одного, что Хо Рая Ким собирается приговорить Ла Соя Вена к смерти. Я думаю, что Ла Соя Вен подумал о том же, так как он явно забеспокоился.

– Ла Соя Вен, – произнес джеддак, – ты проводишь этих двоих в подземную тюрьму и оставишь там на ночь. Смотри, чтобы у них была пища и все удобства, так как они мои почетные гости.

– Но подвал... ваше величество! – воскликнул Ла Соя Вен. – На моей памяти он еще никогда не использовался. Я даже не знаю, найду ли вход в подземелье!

– Да-да... – задумчиво проговорил Хо Рая Ким. – Даже если ты и найдешь вход туда, там наверняка грязно, сыро, холодно... Может быть, милосерднее убить Джона Картера и Ная Дан Чи прямо сейчас?

– Подождите, ваше величество, – сказал Ная Дан Чи. – Я знаю вход в подвальные помещения. Я бывал там. Там можно быстро навести порядок. Я не хочу, чтобы вам пришлось изменять свои решения и подвергать себя глубочайшему горю по поводу безвременной кончины Джона Картера и моей персоны. Идем, Ла Соя Вен, я укажу путь в подземелья Хорца!

V

Мне повезло, что Ная Дан Чи оказался скор на язык. Прежде чем Хо Рая Ким успел что-то возразить, мы уже покинули комнату для приемов и двинулись в подвалы Хорца. Я был рад, что убрался подальше с глаз этого ласкового глубокомысленного тирана. Кто знает, какие соображения пришли бы ему в голову.

Вход в подземелья Хорца оказался в маленьком домике без окон, расположенном возле тыльной стены цитадели. Дверь в подвалы была заперта, и насквозь проржавевшая петля зловеще завизжала, когда два дюжих воина начали открывать ее.

– Там темно, – сказал Ная Дан Чи. – Мы сломаем себе шеи без света.

Ла Соя Вен был добрым человеком. Он послал одного из воинов за факелом и, когда тот вернулся, Ная Дан Чи и я вошли в угрюмую пещеру.

– Подождите, а где ключи от двери? – крикнул Ла Соя Вен.

– Хранитель ключей известен только какому-нибудь давно умершему джедаку, – ответил Ная Дан Чи, – а я не знаю.

– Но как мне запереть двери?

– Джедак не говорил тебе запирает дверь. Он сказал, чтобы ты отвел нас в подвал и оставил на ночь, я прекрасно помню его слова.

Ла Соя Вен задумался, а затем нашел выход:

– Выходите, – сказал он. – Я отведу вас к джедаку и скажу, что ключей нет. Пусть он сам решает, как быть.

– И ты знаешь, что он решит? – спросил Ная Дан Чи.

– Что?

– Он прикажет сразу убить нас. Не обрекай нас на немедленную смерть, Ла Соя Вен. Оставь часовых у дверей и прикажи убить нас, если мы попытаемся бежать.

Ла Соя Вен подумал и наконец кивнул в знак согласия:

– Превосходная мысль, – сказал он и приказал двум воинам остаться у двери, а сам, пожелав нам доброй ночи, ушел.

Я никогда не видел таких обходительных людей, как оревары. Можно было с удовольствием дать им перерезать себе горло – до того вежливо они это сделают. Однако со своими исконными врагами, зелеными людьми, они вели себя совсем иначе: никакой обходительности, вежливости – только ненависть и беспощадность.

Тем не менее подвалы Хорца вовсе не были приятным местом. Столетняя пыль покрывала лестницу. Ее ступени привели нас в узкий коридор с дверями по обеим сторонам, такой длинный, что свет факелов не достигал его конца. Я предположил, что это и есть камеры, в которых джедаки держали своих врагов, и спросил об этом Ная Дан Чи.

– Возможно, – ответил он. – Хотя наши джедаки не пользуются ими.

– Разве у них нет врагов?

– Конечно, есть, но они считают, что очень жестоко заточать сюда людей. Лучше убивать их сразу, как только станет ясно, что они враги.

– Тогда для чего эти подземелья?

– О, они построены миллионы лет назад, когда город только начинал строиться.

Я заглянул в одну из камер. Истлевший скелет лежал на полу. Рядом валялась железная цепь, которой человек был прикован когда-то к каменной стене. В следующей камере были три скелета, рядом с ними лежали шкатулки. Когда Ная Дан Чи приподнял крышку одной из них, он не сумел сдержать возгласа изумления и восхищения. Небольшой резной ящичек был полон драгоценностей потрясающей красоты – это были образцы древнего ювелирного искусства.

Открывшееся перед нами ослепительное зрелище тем не менее навевало печаль: ведь драгоценности украшали прекрасных женщин и отважных мужчин, о которых не сохранилось даже воспоминаний.

Мои мысли были прерваны каким-то шорохом, раздавшимся позади меня. Я обернулся – и моя рука инстинктивно потянулась к поясу, где должна была находиться рукоять меча. Готовый броситься на меня, злобно сверкая глазами, за спиной притаился самый большой ульсио, какого я когда-либо видел.

Это было многоногое, мерзкое, совершенно безволосое существо. Его глаза, маленькие и близко посаженные, полностью прятались в складках кожи; пасть усеивали острые зубы. Та тварь, которая бросилась на меня, была размером с пуму, но в несколько раз более злобной.

Завязался самый настоящий бой. Ная Дан Чи отрубил две из шести ног зверя, отсек ухо, поразил его в живот – и только после этого ульсио рухнул на пол камеры. Ная Дан Чи посмотрел на меня и улыбнулся. Он огляделся в поисках того, обо что он мог бы вытереть свой меч, с которого капала кровь. Я поднял крышку другой шкатулки.

Шкатулка была около семи футов длиной, двух с половиной шириной и двух глубиной. Это напоминало самый настоящий гроб; и в нем в самом деле лежал труп человека. Одежда его была украшена драгоценностями. Вероятно, когда-то это был красивый мужчина. И он на удивление хорошо сохранился.

– Это вы захоронили его здесь? – спросил я. Ная Дан Чи отрицательно покачал головой.

– Нет, – ответил он. – По всей видимости, он лежит здесь уже миллионы лет.

– Не может быть! – воскликнул я. – Он бы высох полностью и превратился в прах.

– Я не знаю точно, – ответил Ная Дан Чи, – древние знали много такого, чего теперь не знает никто. Существует легенда о знаменитом бальзамировщике Ли Ум Ло. Говорят, что его искусство было так совершенно, что даже умерший начинал сомневаться, что он умер. Бывали случаи, когда мертвое тело вставало во время погребальной церемонии. Этому мастеру отрубили голову за то, что умершая джеддара не поняла, что она уже мертва, и прошла прямо в спальню джедака, где тот занимался любовью с молодой женой.

– Очень любопытная история, – заметил я, смеясь. – Надеюсь, что этот парень понимает, что он уже давно скончался. Я намереваюсь разоружить его. Вряд ли он думал миллион лет назад, что его оружие понадобится Военачальнику Барсума.

Ная Дан Чи помог мне приподнять труп и снять с него оружие. Мы оба были удивлены живой теплотой мертвого тела и мягкой упругостью его плоти.

– А не может ли быть так, что мы ошибаемся? – спросил я. – Может, он вовсе не умер?

Ная Дан Чи пожал плечами:

– Искусство древних недоступно людям нашего времени.

– Вполне возможно, – сказал я. – Но сейчас речь не об этом. Ты не думаешь, что этот парень жив?

– Его лицо покрыто пылью, – ответил Ная Дан Чи, – а в этих подвалах уже целые тысячелетия никто не бывал. Он должен быть мертвым.

Я согласился с его мнением и, без дальнейших слов и сомнений, надел на себя перевязь с мечом. После этого я осмотрел меч и кинжал. Прекрасная сталь! Взявшись за рукоятку, я вновь почувствовал себя мужчиной. Все-таки мужчина без оружия – это не человек. Он не может ни отбить нападения, ни защититься. Каждый должен иметь оружие. Мы вновь вышли в коридор. Где-то промелькнул свет и погас через мгновение.

– Ты видел? – обратился я к Ная Дан Чи.

– Видел, – ответил он, и голос его выдал тревогу. – Видел. Но там не должно быть света. Там нет людей...

Мы долго стояли, всматриваясь в даль коридора. Однако вспышек света больше не последовало. Зато по подземелью разнеслись гулкие раскаты зловещего хохота...

VI

Ная Дан Чи в недоумении посмотрел на меня:

– Что это может быть?

– Мне показалось, что это хохот.

Он кивнул:

– Да, но кто может смеяться там, где никто не должен смеяться?

Ная Дан Чи был в замешательстве.

– Может быть, ульсио Хорца научились смеяться? – предположил я.

Мой друг игнорировал мое легкомысленное замечание.

– Мы видели свет и слышали хохот, – задумчиво произнес он. – О чем тебе это говорит?

– О том, о чем и тебе. Видимо, в подземельях есть еще кто-то, кроме нас.

– Я не понимаю, как это могло случиться?

– Идем, посмотрим, – пожал я плечами.

С обнаженными мечами мы осторожно двинулись вперед. Мы не знали, кто там находится и каковы его намерения. Кроме того, в любой момент из тьмы мог выскочить ульсио и вцепиться в горло. Коридор сначала вел прямо, затем стал поворачивать. От него отходило множество боковых проходов. Но мы шагали по тому, который нам казался главным. Больше мы не видели мельканий света и не слышали хохота.

– Дальше идти бессмысленно, – сказал Ная Дан Чи. – Нужно вернуться назад.

Однако у меня не было намерения возвращаться в склеп, где меня поджидала смерть. Я был уверен, что свет и смех означают присутствие человека в подземелье. Если жители Хорца не знают свои подвалы и тех, кто в них обитает, в эти подземные переходы можно проникнуть из-за стен цитадели. А это открывало для меня путь к спасению. Я предложил Ная Дан Чи отдохнуть и обсудить наши дальнейшие планы.

– Мы можем отдохнуть, – сказал он, – но обсуждать нечего. Наши планы... Наше будущее уже решено Хо Рая Кимом.

Мы вошли в одну из камер, в которой не было жутких останков прошлых трагедий, пристроили чадящий факел в стенной нише и сели на холодный каменный пол.

– Может, Хо Рая Ким и определил для тебя будущее, – начал я, – но я буду самостоятельно решать свои проблемы.

– Как?

– Я не собираюсь возвращаться туда, где меня убьют. Я хочу найти выход из этого лабиринта.

Ная Дан Чи покачал головой:

– Мне очень жаль, – сказал он, – но тебе придется вернуться и достойно встретить свою судьбу.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что я обязан доставить тебя обратно. Я не имею права выпускать чужих из Хорца.

– Значит, нам придется драться с тобой, Ная Дан Чи. Но мне вовсе не хочется убивать того, рядом с кем я сражался и кто восхитил меня своим мужеством и боевым искусством.

– Я чувствую то же самое, – сказал он. – Я не хочу убивать тебя, но ты должен понять: мне придется это сделать, если ты по доброй воле не пойдешь со мной.

Я попытался переубедить его, однако он оставался твердым, как камень. Мы не пришли к общему мнению. Мне совсем не хотелось убивать Ная Дан Чи, но ничего другого не оставалось. Он был хорошим фехтовальщиком, но какие шансы у него были против лучшего фехтовальщика двух миров? Меня считали лучшим бойцом из всех, кто когда-либо брал в руки меч.

– Хорошо, – сказал я, – нам нет необходимости уничтожать друг друга прямо сейчас. Давай немного посидим и поговорим.

– Согласен.

– Как насчет того, чтобы перекинуться в джэтан? – спросил я. – Это позволит нам неплохо провести время.

– Как же мы будем играть без доски и фигур?

Я открыл кожаную сумку, какую носят все марсиане, и достал оттуда прекрасную доску и набор фигур для джэтана – подарок Деи Торис, моего несравненного друга. В моих руках находилось настоящее произведение искусства.

Каждая из фигурок – воины, падвары, двары, пантаны, вожди – воспроизводила облик какого-нибудь из известных марсианских воинов. А одна из принцесс была великолепным миниатюрным портретом Тары из Гелиума, другая принцесса представляла собой изображение Ланы из Гатола.

Я очень гордился своим джэтаном и всегда носил с собой сильное увеличительное стекло, чтобы иметь возможность рассматривать изящные фигурки в деталях.

Я предложил увеличительное стекло Ная Дан Чи. Вскоре тот был полностью захвачен открывшимся перед ним зрелищем.

– Великолепно! – воскликнул он. – Я никогда не видел ничего более прекрасного.

Одну фигурку он рассматривал дольше, чем остальные.

– Какое богатое воображение должен иметь художник, чтобы создать подобное. Ведь у него не было модели. Такая красота вообще немыслима в природе.

– Каждая из фигурок имеет своего прототипа, – возразил я.

– Возможно. Но только не эта. Я уверен, что женщины такой пленительной красоты просто не существует.

– О чем ты говоришь? – спросил я, и он подал мне фигурку. – Ах, эта! Так это же Лана из Гатола, дочь Тары из Гелиума. А отец Тары – перед тобой. Она действительно существует, и эта фигурка очень похожа на нее. Но, разумеется, в этой статуэтке нет живости, шарма, которым обладает реальная Лана.

Он снова взял фигурку и стал рассматривать ее сквозь увеличительное стекло.

– Будем играть? – спросил я. Он покачал головой.

– Это святотатство, – играть фигурками с изображением богинь.

Я вернул доску и коробку с фигурками в сумку. Ная Дан Чи сидел молча. Пламя факела отбрасывало слабый свет на каменный пол.

Эти факелы Хорца представляли для меня загадку. Они имели цилиндрическую форму, внутри размещался центральный сердечник. Он и давал свет при горении. Причем изготовлен он был из какого-то материала, который горел, не сгорая. Таким образом, эти светильники были вечными. Но секрет их изготовления был навсегда потерян.

Прошло много времени, прежде чем Ная Дан Чи снова заговорил. При этом он встал. Выглядел он печальным.

– С этим нужно кончать, – произнес он и вытащил меч.

– Зачем нам драться? – спросил я. – Мы ведь друзья. Если я уйду, то дам тебе слово чести, что никто не услышит от меня ни слова о Хорце. Позволь мне уйти с миром. У меня нет желания убивать тебя. А еще лучше – идем со мной. Мир велик. В нем есть, что посмотреть, и кроме Хорца.

– Не искушай меня, – взмолился он. – Я и сам хочу уйти. Впервые в жизни у меня возникла потребность покинуть город, но я не могу сделать этого. Защищайся, Джон Картер! Один из нас умрет, если ты не испытываешь желания идти со мной добровольно.

– Если я пойду, умрем мы оба, – сказал я. – Это же глупо.

– Защищайся, – последовал его ответ.

Мне ничего не оставалось делать, как обнажить меч. Но как же мне этого не хотелось!..

VII

Ная Дан Чи не был агрессивен и на свою защиту он совершенно не обращал внимания. Я мог бы убить его в любой момент, когда мне этого захотелось бы. Почти сразу я понял, что он дарит мне свободу ценой собственной жизни, но я не мог принять его жертву.

Я отступил назад и опустил меч.

– Я не убийца, Ная Дан Чи, – сказал я. – Сражайся, будь мужчиной.

Он покачал головой.

– Я не могу убить тебя, – просто ответил он.

– Почему?

– В твоих венах течет та же кровь, которая дала жизнь ей. Я не могу пролить эту кровь. Это принесет ей горе.

– О ком ты говоришь?

– Я говорю о Лане из Гатола, самой прекрасной девушке в мире, которую я никогда не видел, но ради которой я бы с радостью отдал свою жизнь.

– Хорошо, – сказал я, – но я тоже не собираюсь убивать тебя, так что давай прекратим эту глупую дуэль.

Я вложил меч в ножны, и Ная Дан Чи сделал то же самое.

– Что будем делать? – спросил я.

– Я не могу позволить тебе бежать, с другой стороны, у меня нет морального права удерживать тебя. Я предатель своего племени. Значит, я должен убить тебя.

У меня мелькнула мысль. Мы отправимся обратно, и где-нибудь поблизости от выхода из подземелья я свяжу его, заткну рот и затем уйду. Буду пытаться найти другой выход отсюда, не отягчая свою совесть изменой, а имя – позором.

– Тебе не нужно убивать себя, – сказал я. – Я отправлюсь с тобой, но предупреждаю, что как только мне представится возможность бежать, я воспользуюсь ею.

– Спасибо, – ответил он, – это честно с твоей стороны. Ты даешь мне шанс умереть достойно.

– Ты очень хочешь умереть?

– Конечно, нет. Я хочу жить. Особенно теперь. Если я останусь жив, то, быть может, когда-нибудь увижу Лану из Гатола.

– Почему бы тебе в таком случае не уйти со мной? Вместе мы выберемся отсюда. Мой флайер совсем недалеко от этого места, а до Гатола всего четыре тысячи хаадов.

Он отрицательно покачал головой:

– Искушение велико, но, увы, я не могу.

Мы зашагали обратно, туда, где нас ждал смертный приговор. Разумеется, я не имел намерения умирать, но шел из-за Ная Дан Чи. Это был человек чести, человек большого мужества.

Мы шли, поднимая застарелую пыль на каменной кладке. Постепенно я проникался уверенностью, что мы идем не в том направлении. Если бы мы шли правильно, то давно достигли бы места назначения. Я сказал об этом своему товарищу, и он согласился со мной. Мы свернули в другой коридор и пошли вдоль него. Выхода, однако, не было.

– Боюсь, что мы заблудились, – уныло сказал Ная Дан Чи.

– А я уверен в этом, – улыбнулся я. Если мы заблудились и не сможем найти выход до полудня, то по древним законам варваров будем свободны. Это меня вполне устраивало.

Я не сводник. Но и мешать встрече мужчины и женщины я не собирался. Я верю в то, что природа сама разберется в хитросплетениях человеческих отношений. Если Ная Дан Чи влюбился в Лану и пожелает отправиться со мной в Гатол – ради бога. Я протестовал бы только

в том случае, окажись он человеком неблагородным или бесчестным. Он же принадлежал к древнейшей расе Барсума.

Я не был уверен, что он добьется успеха. Лана была очень молода, но у ее ног уже лежали мечи сыновей самых знатных родов планеты. Как и все женщины Марса, она хорошо знала себе цену. Ее нельзя было принудить выйти замуж за какого-нибудь знатного вельможу. Ее можно было уговорить выйти замуж в интересах семьи, но если она не будет любить своего мужа, она никогда не ляжет с ним в одну постель. Я больше боялся за Ная Дан Чи, чем за Лану.

Мы снова попытались изменить направление, но с тем же результатом. Устав от ходьбы по пыльным и затхлым коридорам, мы легли отдохнуть. Затем все началось сначала. Увы, наши блуждания оказались безрезультатными...

– Должно быть, наступило утро, – заметил Ная Дан Чи.

– Ошибаешься, – сказал я, посмотрев на свой хронометр. – Уже почти полдень.

Конечно, я не сказал «полдень», а использовал меры времени, принятые на Марсе: 3 зода 25 ксатов, что соответствовало двенадцати часам земного времени.

Раскатистый хохот внезапно раздался позади нас. Стремительно обернувшись, мы успели увидеть мелькнувший вдали свет, который тут же исчез.

– Зачем нам торопиться? – спросил я. – Ведь мы сделали все, что могли. И то, что мы не сумели найти обратный путь, не наша вина.

Ная Дан Чи кивнул:

– Да, торопиться нет смысла. Все равно мало надежды, что мы сможем выбраться отсюда. Скорее всего, так оно и было.

– Второй раз мы слышим этот кошмарный смех и видим свет, – сказал мой товарищ. – Я думаю, нам следует выяснить, кто это. Может быть, он подскажет нам обратный путь.

– Я не возражаю, – сказал я. – Но сомневаюсь, что мы найдем здесь друга. Если, конечно, вообще найдем кого-нибудь.

– Странно, – произнес Ная Дан Чи. – Всю жизнь мы, жители Хорца, были уверены, что подземелья необитаемы. В эти подвалы за последние несколько сотен лет много раз спускались люди, чтобы исследовать их, но никто из ушедших никогда не возвращался. Я полагал, что они заблудились и умерли от голода. Может быть, они также наблюдали мелькание света во мраке и слышали смех?

– Возможно, – ответил я.

VIII

Ная Дан Чи и я совершенно потеряли ощущение времени. Все настойчивее давал о себе знать голод. Мы достаточно долго проблуждали в переходах без пищи и воды. Прошло чуть больше двух дней с тех пор, как мы оказались в подземелье. Этот срок позволил нам сохранить силы. Еще дважды мы слышали смех и видели блики света. Смех! Я заставлял себя думать о том, что это был смех человека, – я не хотел сойти с ума.

– Мы должны разыскать его и выпить его кровь, – сказал Ная Дан Чи.

– Нет. Мы – люди, а не звери.

– Ты прав. Я теряю контроль над своими мыслями.

– Давай-ка подумаем, – произнес я. – Он всегда знает, где мы находимся, так как следит за светом факела. Предположим, что мы погасим наш светильник и тихонько пойдем вперед. Если он любопытен, то непременно захочет узнать, в чем дело. Мы будем прислушиваться и обязательно различим его шаги.

Ная Дан Чи согласился, признав, что план, предложенный мною, содержит рациональное зерно. Я думаю, что он все же не оставлял надежды напиться крови этого типа, у меня тоже иногда мелькали такие мысли. Если вы никогда не страдали от жажды и острого голода, то не судите нас слишком строго.

Мы погасили факел и тихо побрели туда, где в последний раз мелькнул свет. Мечи были наготове. Нас окружала кромешная тьма, и не было слышно ни звука. Мы двигались, стараясь идти бесшумно, осторожно ступая по каменному полу. Мы едва дышали. И вот впереди мигнул свет. Мы замерли, прислушиваясь. Я разглядел фигуру – то ли человек, то ли какое-то иное существо. Я тронул своего молодого друга за плечо и шагнул вперед. Он направился следом.

Свет стал ярче. Теперь я мог разглядеть голову и плечи, высовывавшиеся из-за боковой двери. Все-таки, по всей видимости, это человек. Представляю, как он обескуражен нашим внезапным исчезновением! Он вошел в дверь, возле которой стоял, и было видно, как оттуда струится таинственный свет.

Мы подошли ближе. Здесь таился ответ на все вопросы, мучившие нас в последнее время. Здесь мы должны были узнать, будет ли у нас вода и пища. Если перед нами человек, который может здесь жить, мы, скорее всего, получим и живительную влагу и пищу.

Мы тихо приблизились к двери. Руки крепко сжимали мечи. Я двигался впереди. У меня возникло ощущение, что если незнакомец почувствует наше приближение, то исчезнет. Этого не должно случиться. Мы должны увидеть его. Мы обязаны схватить его, заставить его дать нам воду и еду.

Я шагнул в дверной проем и успел увидеть его. Тут же все погрузилось во тьму, раздался гулкий зловещий хохот. В правой руке я ощущал металл меча, который я взял у мертвого варвара. В левой руке у меня находился факел. Как только свет в камере исчез, я нажал кнопку в нижней части факела, и комнату залил свет.

Перед нами была огромная комната, заставленная мебелью. Диван, скамья, стол, книжный шкаф с книгами, древний марсианский камин, резервуар для воды. Напротив стоял человек, которого теперь я мог разглядеть.

Я бросился к нему, приставил острие меча к сердцу. Я вовсе не хотел, чтобы он скрылся. Он затрясся и закричал, испугавшись за свою жизнь!

– Нам нужна вода. Вода и еда. Дай нам их, и твоя жизнь будет в безопасности!

– Берите сами, – выдохнул он. – Здесь есть все. Но скажите, кто вы и как оказались здесь, где никто не бывал вот уже на протяжении бесчисленного количества лет. Я ждал очень долго. Ждал, пока кто-нибудь придет. И вот пришли вы. Я приветствую вас. Мы будем большими друзьями. Вы останетесь со мной навсегда. Мне очень не достает компании.

И он дико расхохотался.

Все ясно. Передо мной дергался в истерическом припадке сумасшедший. Он и действовал как сумасшедший. Временами его речь становилась совершенно неразборчивой. Он произносил какие-то бессмысленные слова, снова хохотал – этот леденящий кровь смех до сих пор стоит у меня в ушах.

Вид у него был довольно необычный. Он был совершенно голый, если не считать кожного ремня, на котором болтались меч и кинжал. Кожа его тела – тщедушного и изможденного – была сине-белесой, как у трупа. Слюнявый рот время от времени дергался и все время был полуоткрыт, обнажая желтые кривые зубы. Носа не было, видимо, он потерял его из-за какой-то болезни.

Я не сводил с него взгляда, пока Ная Дан Чи пил воду. Затем он дал мне возможность утолить жажду. Но судорожно дергающееся существо не обращало на нас внимания, раздражаясь потоками бессмысленной речи. К тому же жестикулировал он, как древнеримский оратор.

Наконец он произнес связно:

– Вы кажетесь очень глупыми, но со временем поймете меня. А теперь насчет еды. Вы предпочитаете сырого ульсио или вам его приготовить?

– Ульсио! – воскликнул юноша. – Ты питаешься ульсио?

– Большой деликатес, – подтвердил он.

– Больше ничего нет?

– Еще немного осталось от Ро Тая Бима, – ответило существо, – но он уже стал немного припахивать.

Ная Дан Чи посмотрел на меня.

– Я не голоден, – сказал я. – Идем, попытаемся выбраться отсюда.

Я повернулся к психу:

– Какой коридор ведет в город?

– Вам необходимо отдохнуть, – торопливо заговорил он. – А потом я покажу вам дорогу. Ложитесь на диван и поспите.

Я подумал и нашел предложение очень заманчивым. И я, и Ная Дан Чи чувствовали себя измотанными и поэтому без лишних слов свалились на диван.

Старик присел с нами рядом.

– Вы очень устали, – монотонно зашепелявил он, – Вы устали и нуждаетесь во сне. Вы хотите спать. Скоро вы уснете, – бормотал старик. – Вы уснете и будете спать, спать... Долго спать, целые годы, как и все остальные. Вы проснетесь только тогда, когда я разбуду вас, или когда я умру. А я никогда не умру. Вы украли у Хор Кан Лана его оружие.

Он посмотрел на меня.

– Хор Кан Лан рассердится, когда проснется и обнаружит, что его обокрали. Но Хор Кан Лан не проснется. Он уснул так много лет назад, что я даже забыл, когда это произошло. Впрочем, какая разница, кто взял меч Хор Кан Лана? Все равно никому не придется воспользоваться этим оружием...

Его одурманивающий голос действовал усыпляюще. Я чувствовал, что погружаюсь в сладкую дремоту. И вдруг я взглянул на Ная Дан Чи. Он уже спал. Внезапно смысл монотонных слов этого старикашки проник в мой сонный мозг. Он гипнотизировал меня, обрекая на смерть. Я попытался стряхнуть с себя летаргическую истому. Для этого пришлось напрячь все свои силы. Ужас нашего положения удвоил их.

Мысль о том, что мне придется лежать здесь тысячелетия, собирая пыль подземелья... или быть съеденным этим желтозубым психом... Я собрал всю свою волю, чтобы разорвать стиснувшие меня гипнотические внушения. Я чувствовал, что дрожу всем телом. Получится ли у меня?

Старик, вероятно, понял, что я отчаянно борюсь с обволакивающим меня забытьем. Он тоже удвоил усилия, чтобы удержать меня в своей власти. Его голос и глаза почти физически действовали на мой разум. По его белесому лбу скатывались грязные капли пота, так велики были его усилия парализовать мой мозг, сделать его покорным...

IX

Я выиграл! Я знал, что выиграл! И старик тоже понял это. Я увидел, как он выхватил из ножен кинжал. Если ему не удалось удержать меня в подземелье в тисках мнимой смерти, он, несомненно, решил по-настоящему убить меня.

Он занес надо мной кинжал. Жуткие зрачки сумасшедшего смотрели прямо в мои глаза. Зловещий блеск делал их еще более страшными.

В последний момент я вырвался из тисков, сковавших мое тело. Я был свободен. Успев отбить удар, я вскочил на ноги, и длинный меч Хор Кан Лана был уже в моей руке.

Мерзкий старикашка резко отпрянул и закричал. Он звал на помощь там, где не могло быть помощи. Затем, опомнившись, он выхватил свой меч. К лицу ли мне, лучшему фехтовальщику всех времен и народов, скрещивать свое оружие с этим сумасшедшим. Но затем я вспомнил, как гнусный старик хладнокровно планировал нашу смерть. И тогда моя решимость окрепла. Это не дуэль. Я действовал как судья, как освободитель.

И я нанес удар. Хватило одного выпада, чтобы голова сумасшедшего покатила по каменным плитам подвалов Хорца. Я взглянул на Ная Дан Чи. Он уже проснулся, перевернулся на спину и потянулся. Затем он сел, перевел взгляд заспанных глаз на тело старика и его голову, лежащую отдельно, после чего вопросительно уставился на меня.

– Что случилось?

Но я не успел ответить. Откуда-то раздались голоса. Бесчисленные ящики, нагроможденные в помещении, где мы находились, стали открываться. Из них вылезали вооруженные мужчины, женщины. Все они позевывали, растерянно протирали глаза, недоуменно осматривались. Из темного коридора в наш зал входили другие люди, привлеченные светом.

– Что все это значит? – надменно спросил высокий мужчина в роскошных одеждах. – Кто притащил меня сюда? Кто вы?

Он возмущенно осматривался, отыскивая знакомые лица, в явном замешательстве.

– Может быть, я объясню, – предположил я. – Мы все находимся в подземельях Хорца. Я здесь несколько десятков часов, а вы все, если верить старому идиоту, который валяется на полу без головы, пробыли в подвалах долгие столетия. Вы оказались заточенными в этом каменном мешке силой гипноза маразматика. И его смерть освободила вас.

Человек, к которому я обратился, посмотрел на голову старика.

– Ли Ум Ло! – воскликнул он. – Он послал за мной, просил прийти по важному делу. А ты убил его! Я еще разберусь с тобой – завтра. А сейчас я должен вернуться к своим гостям.

Все тело и лицо этого человека было покрыто пылью. Я понял, что он пробыл здесь очень много лет, но пока не подозревал об этом.

Очнувшись после долгого сна, люди – мужчины и женщины – выбирались из зловещих ящиков. Труднее всего приходилось тем, чьи тесные убежища стояли в самом низу. Они с грохотом сбрасывали пустые ящики, расчищая себе путь к свободе. Завязались разговоры. Все находилось в состоянии замешательства и даже смятения.

Из одного из ящиков выбрался пыльный вельможа. Он и тот рослый мужчина сразу узнали друг друга.

– В чем дело? – спросил первый из них. – Ты весь в пыли. Зачем ты залез в подземелье? Вернемся к гостям!

Второй покачал головой:

– Гости, Кам Хан Тор? Ты думаешь, что они ждут тебя? Ведь прошло двадцать лет.

– Двадцать лет?

– Я был твоим гостем двадцать лет назад. Ты ушел посреди обеда и больше не вернулся.

– Двадцать лет! Ты сошел с ума! – воскликнул Кам Хан Тор. Он посмотрел на меня, на ухмыляющуюся отрубленную голову старика... и начал что-то понимать.

Второй провел ладонями по грязному лицу, посмотрел на серую пыль...

– Я весь покрыт пылью, – сказал он Кам Хан Тору. Кам Хан Тор осмотрел себя, коснулся пальцами лица, взглянул на них.

– Двадцать лет! – простонал он и снова оглянулся на голову старика. – Двадцать лет... О, грязное животное! Я был твоим другом, и вот что ты сделал со мной!..

Он повернулся ко мне.

– Забудь, что я сказал раньше. Теперь я все понял. Кто бы ты ни был, мой меч всегда готов служить тебе.

Я поклонился.

– Двадцать лет! – снова вскричал Кам Хан Тор, как бы не в силах поверить в произошедшее. – Мой корабль! Он был спущен на воду на следующий день после праздника. Самый большой корабль в мире. И теперь он уже совсем старый... Возможно, даже утонул. И я никогда не видел его! Скажи, незнакомец... Нет, лучше ты, мой друг, хорошо ли он плавал? И плавает ли сейчас?

– Я видел, как он отплыл. Он действительно прекрасно держался на воде, однако судно так и не вернулось из своего путешествия. Я никогда больше не слышал о нем.

Кам Хан Тор печально покачал головой, но затем выпрямился и расправил плечи.

– Я построю другой корабль. Еще больше и лучше. И проплыву на нем по всем морям Барсума.

Теперь только я начал осознавать, хотя и не мог в это поверить, что происходит вокруг меня. Ведь эти беседующие люди жили сотни тысяч лет назад! Невероятно, но факт! Они существовали в те самые времена, когда Троксеус и другие четыре могучих океана покрывали поверхность планеты, которая в настоящее время является лишь дном давно пересохших морей... Это были представители гордой расы светлокожих желтоволосых людей, чьи корабли вспенивали волны океанов, расы, которая исчезла в пучине тысячелетий.

Я подошел к Кам Хан Тору и положил руку на его мускулистое плечо. Мужчины и женщины, освобожденные от чар Ли Ум Ло, толпились вокруг.

– Мне очень жаль разрушать твои иллюзии, но ты уже не построишь ни одного корабля.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он. – Кто может воспрепятствовать мне, брату джеддака, в строительстве корабля?

– Троксеуса не существует, друг мой.

– Как не существует? Ты сошел с ума?

– Ты слишком долго пробыл в заточении. За минувшее время все пять океанов Барсума пересохла. Вода исчезла. Океанов больше нет. Нет торговли. Раса, к которой ты принадлежишь, осталась в прошлом.

– Ты сумасшедший!

– Ты знаешь, как выбраться из этих подвалов? Но в город, а не в... – я хотел сказать «цитадель», но вспомнил, что в его времена такого понятия просто не было.

– Ты хочешь сказать – через мой дворец?

– Да. Поближе к набережной. Тогда я смогу доказать тебе, что Троксеуса больше не существует.

– Разумеется, я знаю дорогу, – сказал он. – Эти подземелья были построены по моим чертежам.

– Тогда идем, – сказал я.

Второй вельможа не отрывал глаз от головы Ли Ум Ло.

– Если то, что говорит этот человек, правда, – произнес он, – значит, Ли Ум Ло прожил несчетное число лет. Как ему это удалось? И как удалось это нам?

– Вы все были в состоянии глубокой летаргии, – ответил я. – А что касается самого старика – это тайна, загадка.

– Никакой загадки, – возразил вельможа. – Я хорошо знал Ли Ум Ло. Он был трусом и негодяем. Он ненавидел всех, кто был отважен и силен. Он старался принести вред таким людям. Его единственным другом был лучший бальзамировщик нашей страны Лум Тар О. Когда Ли Ум Ло умер, Лум Тар О забальзамировал его, и работа его была столь совершенна, что мертвец продолжал существовать, как живой. Он жил не как человек, не как живое существо, а как труп, с мозгом, переполненным злобой и мерзкими помыслами. Даже искусство бальзамировщика он приписывал себе, и люди приняли это на веру. И в этом он предал своего лучшего друга.

Как только он кончил говорить, у входа в помещение раздался шум и ворвался человек, почти обнаженный.

– Что все это значит? – кричал он. – Что здесь происходит? Кто украл мое оружие?

Я узнал его: это был Хор Кан Лан. Он дрожал от возбуждения, решительно прокладывая себе дорогу через толпу ко мне.

– Вор! – взревел он. – Верни мое оружие!

– Прости, – сказал я. – Но пока ты не дашь мне другое, это останется у меня.

– Ты понимаешь, с кем говоришь? Я Хор Кан Лан, брат джеддака.

Кам Хан Тор смотрел на него с нескрываемым изумлением:

– Ты был мертв пятьсот лет. И твой брат тоже. Мой брат стал джеддаком в году 27МЗВ2Ж4.

– Вы все были мертвыми много лет, – заметил Ная Дан Чи. – Даже ваше летоисчисление давно устарело.

Мне показалось, что Хор Кан Лан взорвется от злости.

– А ты кто такой? Я прикажу взять тебя под стражу, я отдам приказ всех арестовать. Эй, охрана!

Кам Хан Тор попытался утихомирить разбушевавшегося родственника древнего джеддака, и ему в конце концов удалось уговорить его, чтобы он сопровождал нас на набережную для того, чтобы увидеть все своими глазами: и что город уже не тот, и что Троксеуса просто не существует. Это был главный вопрос в нынешней ситуации.

Когда мы под руководством Кам Хана Тора отправились в путь, я заметил, что крышка одного из ящиков шатается. Она немного приподнялась и из щели высунулась изящная головка. Затем внезапно раздался женский крик:

– Джон Картер, принц Гелиума! Будь благословен мой первый предок!

Х

Если бы мой первый предок внезапно материализовался перед моим взором, я не был бы настолько поражен. Я был безмерно удивлен, услышав свое имя из гроба. Я подошел к ящику, и тут его крышка откинулась. Передо мной появилась девушка... Лана из Гатола!

– Лана! – вскричал я. – Что ты здесь делаешь?

– Я могла бы спросить тебя то же самое, – ответила она совершенно без всякого почтения к моей персоне и моему возрасту.

Вперед выступил Ная Дан Чи. Глаза и рот его были широко открыты.

– Лана из Гатола, – прошептал он с благоговением, как будто произносил имя богини.

– Кто это? – спросила Лана.

– Мой друг, Ная Дан Чи, – объяснил я.

Ная Дан Чи вынул свой меч и положил его у ног Ланы. Этот поступок трудно объяснить земными стандартами поведения. Это не выражение любви или предложение выйти замуж, а нечто большее. Это значит, что пока продолжается жизнь владельца меча, его оружие будет служить тому, у чьих ног положен меч. Ритуал означал, что человек, отдавший свой меч, останется преданным до самой смерти. Не сомневаюсь, что Ная Дан Чи полюбил Лану из Гатола.

– Твой друг весьма пылок, – усмехнулась Лана. Тем не менее она нагнулась, подняла меч и протянула его моему юному другу рукоятью вперед. Это означало, что она принимает предложение преданности. Если бы она протянула ему меч острием – это считалось бы самым страшным оскорблением, и я, как ближайший родственник, должен был бы драться с Ная Дан Чи.

– Все это весьма трогательно, – проворчал Кам Хан Тор, – но не можем ли мы отложить сердечные излияния до лучших времен, когда попадем на набережную.

Ная Дан Чи выпрямился. Глаза его блестели. Он с гордостью положил руку на рукоять меча. Я предотвратил его дальнейшие действия, поскольку в возникшей ситуации наши частные дела никого не интересовали. Они могли подождать до тех пор, пока не решатся те вопросы, которые были жизненно важными для людей, заживо погребенных в подземельях древнейшего города. Ная Дан Чи согласился со мной, и мы отправились к выходу на набережную старого Хорца. Лана семенила рядом со мной.

– А теперь скажи, – попросил я, – как ты попала сюда?

– Много лет назад, когда ты был в королевстве Окара, на далеком севере, Талу, принц, которого ты посадил на трон Окара, посетил Гелиум. А после этого, насколько я знаю, между Окаром и всем Барсумом прервались всякие отношения.

– Каким образом это связано с твоим появлением в этих подземельях?

– Не спеши. Я к этому и веду. Раньше все были уверены в том, что область вокруг Северного Полюса заселена чернородыми желтыми людьми.

– Правильно, – подтвердил я.

– Неправильно, – возразила она. – Значительные области там населяют красные люди. Я даже думаю, что, когда ты находился в тех местах, даже сами окарцы не подозревали об этом. И вот ко двору моего отца, Гохана, прибыл странный красный человек. Он был похож на нас и вместе с тем не похож. Он прибыл на старом корабле. Отец сказал, что этот корабль построен не менее нескольких сот лет назад. Его сопровождали сто воинов. Они выглядели очень воинственно, но пришли с миром и получили хороший прием.

Их предводитель по имени Хин Абтель был весьма невоспитан, некультурен, но, как наш гость, принимался со всем радушием. Он громогласно заявил, что является джеддаком Севера. Мой отец заметил, что этот титул носил Талу. «Да, – ответил Хин Абтель. – Но я отобрал его. Теперь он мой вассал. В настоящее время я – джеддак джеддаков Севера. Моя страна холодная

и бедная. Я намереваюсь перебраться на юг и поэтому сейчас ищу подходящие земли, где могли бы поселиться и жить мои люди». Мой отец сказал, что все земли в этих местах заняты народами, которые живут на них многие тысячелетия. Хин Абтель презрительно пожал плечами: «Если я найду то, что мне подойдет, – сказал он, – я покорю проживающие там народы. Я, Хин Абтель, возьму то, что мне требуется, у других племен Барсума. Насколько мне известно, здесь живут слабые, изнеженные люди, которые не способны устоять перед нашей мощью, перед воинственными панарами. Мы рождаемся воинами. К тому же у нас много наемников. Я завоюю весь Барсум, если пожелаю».

Естественно, моему отцу это не понравилось, однако Хин Абтель был его гостем, и отец сдержался, глубоко запрятав свой гнев. Я полагаю, что Хин Абтель решил, что отец испуган. Я слышала, как он говорил отцу: «Тебе повезло, что Хин Абтель твой друг. Другие народы падут передо мною, но тебя я не трону. Я оставлю тебе твой трон. Возможно, я наложу на тебя небольшую дань, но оставлю твою семью в покое, Хин Абтель будет защищать тебя».

Я не знаю, как отцу удалось сдержаться, но я пришла в ярость. Я его оскорбила не менее десяти раз, но он был настолько туп, что в своем эгоизме ничего не понял. Наглость его была беспредельной: он заявил Гохану, что решил оказать ему честь и назвать меня своей женой. Раньше он хвастался, что у него уже есть семь жен. «Этот вопрос, – ответил мой отец, – следует обсуждать не со мной. Дочь Гохана из Гатола сама назовет своего мужа». Хин Абтель только рассмеялся.

Когда я все это услышала, то решила отправиться в Гелиум и встретиться с Деей Торис и тобой. Отец решил, что я должна лететь на небольшом флайере под охраной двадцати шести самых надежных и верных людей. Когда Хин Абтель услышал о моем отлете, он сказал, что тоже решил отправиться в свою страну, но вскоре он вернется за мной. Я надеялась, что на этом все кончится, поскольку не хотелось иметь такого врага, как Хин Абтель, панар, джедак джедаков Севера.

Он выехал за день до моего отлета, но это не изменило моих планов. Все равно я собиралась посетить Гелиум.

Мы пролетели уже сто хаадов от нашего дома, когда я увидела, что из ближайшего леса навстречу нам поднимается корабль. Вскоре я узнала его – это был старый корабль – корабль Хин Абтеля.

Когда мы сблизились, их капитан крикнул нам, что у них сломался компас и они заблудились. Он просил разрешения сверить наши карты.

Делать было нечего – нельзя оставлять корабль без помощи. Но я вовсе не хотела снова видеть чужеземцев, поэтому спустилась вниз. Когда корабли соприкоснулись, тут же раздались резкие крики, ругательства, зазвенели мечи. На верхней палубе вспыхнула ожесточенная схватка!

Я бросилась наверх, и то, что я увидела, привело меня в ярость. С корабля Абтеля на палубу нашего флайера прыгали воины. Я еще никогда не видела такой жестокости, какую демонстрировали эти чудовища. Они игнорировали все нормы цивилизованных войн. Их было больше в четыре раза. У нас не было никакой надежды на спасение. Но наши воины мужественно сражались, и Хин Абтель не досчитался половины своих людей.

Панары выбросили за борт всех – и убитых, и раненых. Из всей команды в живых осталась только я.

Затем на борт моего флайера перебрался сам Хин Абтель. «Я же говорил, – начал он, – что Хин Абтель сам выбирает себе жен. Было бы лучше и для тебя и для Гатола, если бы ты поверила этому». Я сказала: «А для тебя было бы лучше, если бы ты никогда не слышал о Лане из Гатола. Ты можешь быть вполне уверен в том, что моя смерть не останется неотмщенной». «Я не собираюсь убивать тебя», – заявил он. «Я сама убью себя, – выкрикнула я, – лишь бы не оказаться в одной постели с ульсио». Мои слова разозлили его, и он ударил меня. «Ты такой

же трус, как ульсио», – ответила я. Но он не стал больше бить меня, а приказал отвести вниз. Подойдя к окну, я поняла, что корабль направляется на север – в ледяные просторы страны панаров.

XI

Рано утром в мою каюту пришел воин.

– Хин Абтель приказывает тебе немедленно прийти в рубку управления, – сказал он.

– Что ему нужно?

– Его навигатор не может разобраться в устройстве корабельных приборов. Он хочет задать тебе несколько вопросов.

Я тут же подумала, что, возможно, удастся обмануть Хин Абтеля, разрушить его планы, если только мне предоставят возможность поколдовать с приборами, которые я знала так же хорошо, как любой офицер. Поэтому я отправилась за воином.

Хин Абтель находился в рубке управления с тремя офицерами. Лицо его исказила гримаса в тот момент, когда я вошла.

– Мы сбились с курса, – сказал он. – И потеряли связь с кораблем. Ты проинструктируешь моих офицеров, как обращаться с этими дурацкими приборами.

Я осмотрелась. Другого корабля нигде не было видно. Мой план мгновенно сформировался. Если бы со второго корабля нас видели, ничего бы у меня не получилось. Я знала, что если этот корабль, на котором я находилась в качестве пленницы, долетит до страны панаров, то меня ждет судьба худшая, чем смерть. На земле я тоже могу погибнуть, но там у меня, по крайней мере, могут появиться шансы на спасение.

– В чем дело? – спросила я одного из офицеров.

– Компас, – сказал он. – Что с ним делать? Он сломан. Хин Абтель был очень зол, что мы не смогли управиться с приборами. Он решил посмотреть, что у него внутри. И вот результат: собрать компас он не смог.

– Прекрасная работа, – заметила я. – Кто-нибудь из вас может собрать его?

– Нет. А ты?

– Тоже нет.

– Что же нам делать?

– Взять обычный компас, а не такой сложный, и лететь на север. Но сначала я посмотрю, что вы еще натворили.

Я сделала вид, что осматриваю приборы, а на самом деле незаметно открыла клапан предохранителя и свернула резьбу на рукоятке так, чтобы ее невозможно было закрыть.

– Все в порядке, – сказала я. – Теперь держите курс на север по компасу. Вам нет необходимости сверяться по сложному прибору.

Мне следовало бы добавить, что скоро им совсем не будет нужен никакой компас, но я только усмехнулась, а затем спустилась в свою каюту.

Я стала ждать. Вскоре я почувствовала, что корабль начал постепенно терять высоту, медленно, но неуклонно падать. Ко мне вошел воин и заявил, что меня снова ждут в рубке.

Там опять находился Хин Абтель.

– Мы падаем, – сказал он.

– Я заметила это.

– Так сделай же что-нибудь! – заорал он. – Ты же прекрасно знаешь этот корабль!

– Я полагаю, что тот, кто вознамерился завоевать весь Барсум, может обойтись без помощи женщины.

Он выругался и выхватил меч:

– Ты расскажешь мне, в чем дело, или я разрублю тебя надвое от короны до... – он произнес такое слово, которое я не могу повторить.

– Ты, как всегда, изыскан в выражениях, – ответила я. – Но я и без твоих угроз скажу, что случилось.

– Ну?!

– Пока вы тут крутились возле приборов, ничего не понимая в них, ты или такой же идиот, как ты, открыл клапан. Все, что теперь нужно, – это закрыть его. Мы больше не будем опускаться, но и подниматься уже не сможем. Надеюсь, что на нашем пути не встретятся высокие горы.

– Где клапан?

Я показала. Они попытались закрутить его, но я ведь тоже постаралась от души, и у них, естественно, ничего не вышло. Мы продолжали спускаться на дно мертвого моря.

Хин Абтель обезумел. Его офицеры тоже. Они оказались в тысяче хаадов от дома. Двадцать пять человек, выросшие в холодной мрачной стране, ничего не знающие о внешнем мире, о людях, населяющих его, хищниках и других опасностях. Я едва сдерживалась от смеха.

Пока мы спускались, я заметила на горизонте башни города. Хин Абтель тоже увидел их.

– Город! – крикнул он. – Там мы найдем механиков, которые исправят корабль.

«Да, – подумала я, – если бы ты прилетел сюда миллионы лет назад, ты нашел бы механиков. Но вряд ли они починили бы флайер, поскольку в те далекие времена он еще не был изобретен».

Но вслух я ничего не сказала. Я хотела, чтобы Абтель сам узнал все. Я никогда не бывала в Хорце, но знала, что здесь нет другого города. Я хотела получить удовольствие при виде разочарованной физиономии Хин Абтеля, когда он проделает долгий, но бессмысленный путь к городу. Знаю, что во мне говорила злость, но кто может осудить меня за это?

Лана сделала паузу, посмотрела на меня, и я сказал, что не осуждаю девушку, ее можно было понять.

– Продолжай, – попросил я.

– Мы никогда не доберемся до выхода из этих чертовых подвалов! – воскликнул Кам Хан Тор.

– Ты же должен знать дорогу, – заметил угрюмо Ная Дан Чи. – Ты сам сказал, что подвалы строились по твоим чертежам.

– Наглец! – заорал Кам Хан Тор. – Тебя следует наказать.

– А ты умер миллион лет назад, – отпарировал тот, – тебе следовало бы лежать, а не шляться по подземельям.

Кам Хан Тор положил ладонь на рукоять меча. Он был очень зол, однако сейчас было не время для дуэли.

– Остановитесь, – сказал я, – перед нами более важная задача, чем выяснение личных отношений и сведение счетов. Ная Дан Чи неправ. Он извинится.

Ная Дан Чи удивленно посмотрел на меня, но вложил меч в ножны.

– Я подчиняюсь Джону Картеру, принцу Гелиума. Я приношу извинения Кам Хан Тору. Я снова обратился к Лане с просьбой продолжить рассказ.

– Корабль мягко опустился на землю, – заговорила девушка, – без каких-либо повреждений. Хин Абтель пребывал в нерешительности: идти к городу маленькой группой, оставив у корабля часовых, или идти всем: «У ворот их может ждать враждебный прием», – объяснил он. Можно было подумать, что двадцать пять панаров способны взять приступом любой город.

– Я подожду здесь, – сказала я. – Мне незачем идти туда.

– А когда вернемся, тебя не будет? – сказал Хин Абтель. – Ты хитрая стерва, но я хитрее тебя. Ты пойдешь с нами. И мне пришлось идти с ними к городу. Это был тяжелый переход. Когда мы приблизились, Хин Абтель с удивлением обнаружил, что в городе нет никаких признаков жизни – ни дыма, ни движения по улицам.

Войдя в город, мы были абсолютно уверены, что город мертв и пуст... Но скоро нам пришлось убедиться, что это не так.

Мы прошли совсем немного, как вдруг из каменного дома выскочил и бросился на нас отряд зеленых воинов. Это была бы прекрасная битва, окажись там ты, Джон Картер, и пара твоих гвардейцев. Но там были панары, а они не воины, когда обстоятельства складываются не в их пользу. Зеленых воинов было всего десять, но они были настолько решительны и свирепы, что панары дрогнули и побежали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.